

НОВАЯ МИР

НОВАЯ
МИР

3

1981

НОВЫЙ МИР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1925 г.

№ 3

Март, 1981 г.

О Р Г А Н С О Ю З А П И С А Т Е Л Е Й С С С Р

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
АНДРЕЙ ВОЗНЕСЕНСКИЙ — Яблокопад, стихотворение	3
СЕРГЕЙ БОБКОВ — Судьба, стихи	6
ГЕОРГИЙ ПРЯХИН — Интернат, повесть в записках. Предисловие Чингиза Айтматова	7
МАРТОВСКАЯ ТЕТРАДЬ — Райса Ахматова, Валентина Саакова, Татьяна Кузовлева, Галина Шергова, Евгения Славоросова, Корнелия Войткевич, Елена Муравина, стихи	72
МИХАИЛ КОЛОСОВ — Три круга войны, повесть. Окончание	77
ЛЕОНАРД ЛАВЛИНСКИЙ — Разин в посольстве (1658), стихотворение	171

ИЗ ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

ВЛ. ЛИДИН — Друзья мои — книги. Новые главы	173
---	-----

ОЧЕРКИ НАШИХ ДНЕЙ

ВЛАДИМИР УСПЕНСКИЙ — В промышленной зоне БАМа. Окончание	183
--	-----

ПУБЛИЦИСТИКА

М. П. ЩЕТИНИН — Школа будущего рождается сегодня. Предисловие В. Н. Столетова	196
---	-----

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

АЛЕКСАНДР ПУМПЯНСКИЙ — Возвращение к Голгофе. Немного об Америке американских писателей	219
СЕРГЕЙ БОНДАРЧУК: ЧЕРЕЗ ВСЮ ЖИЗНЬ. Беседу вела Елена Дангулова	236

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Литература и искусство	246
Виталий Дончик. Духовность созидания. — И. Меттер. Наука расставанья. — Ирина Винокурова. Ладья на стремнине.	

(См. на обороте)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИЗВЕСТИЯ СОВЕТОВ НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ СССР»
Москва

СОДЕРЖАНИЕ (окончание)

	Стр.
<i>Политика и наука</i>	256
Эраст Генри. Учиться полемике.— Р. Баландин. Наука, открытая молодежи.— А. Нуйкин. К абсолютам бесчеловечности.	
КОРОТКО О КНИГАХ: Михаил Синельников.— Александр Письменный. Фарт. Дневник, из записных книжек, письма, рассказы. ✦ Дм. Молдавский.— Вл. Санин. Одержимый. Повесть. ✦ Лев Фрухтман.— Николай Глазков. Избранные стихи. ✦ А. Бартошевич.— Михаил Морозов. Избранное. ✦ Эр. Ханпиря.— Русский язык. Энциклопедия. ✦ Ю. Михайлов.— Герберт Шиллер. Манипуляторы сознанием. ✦ Ю. Орфеев.— Л. И. Седов. Размышления о науке и об ученых	267
КНИЖНЫЕ НОВИНКИ	272

шедшего в новую книгу), характерно обратное движение: от рациональной убежденности во власти поэта над временем («...в твоём грёху, как в раю») Тарковский идет к сердечной, ничем не утолимой тоске («Что, если память вне земных условий бессильна день восстановить в ночи? Что, если тень, покинув землю, в слове не пьет бессмертья? Сердце, замолчи...»).

Однако сердце поэта в этой книге впервые отказалось подчиняться голосу разума, внять чисто умозрительным, логическим доводам. Поэт как бы впервые ощутил всю важность, всю значительность своего личного, человеческого опыта, впервые признал за ним право на существование в стихах. Не на любомудров, пожалуй, ориентируется в этой книге Тарковский, а на другую, во многом противоположную им традицию.

Не случайно имя Пушкина так часто встречается в «Зимнем дне». В частности, цикл из четырех больших стихотворений назван «Пушкинские эпитафии»; под явным влиянием «Домика в Коломне» написана и повесть «Чудо со щеглом», повесть немыслимая у прежнего Тарковского и вполне естественная для нового. Герой ее — обыкновенный человек, живущий не в веках, а на конкретной подмосковной станции («Снимал я комнату когда-то в холодном доме на Двадцатой версте...»), среди густого, подробно описанного быта («Жизнь повернуло на поправку; я сам ходил за хлебом в лавку, на постном масле по утрам яичницу я жарил сам, сам сыпал чай по горсти в кружку...»). С этих же подчеркнуто «земных» позиций здесь трактуется и главная тема книги — тема рокового зимнего дня. Тарковский не предлагает положительного решения этого вопроса, ничего не обещает, ничего не сулит... Он просто призывает читателя радоваться на-

стоящему: солнцу, весне... Поэт впервые дает читателю конкретный ж и з н е н н ы й совет, впервые сообщает, пусть полужутливо, собственный рецепт счастья. Не удивительно, что именно в этой книге Тарковский как бы впервые задумался о своем будущем читателе, с тревогой и надеждой ожидая встречи:

И это не книга моя,
А в дальней дороге без весел
Идет по стремнине ладья,
Что сам я у пристани бросил.

А в самом деле, как встретит читатель, знающий и любящий поэзию Тарковского, новую его книгу? Ведь нет в ней резкой необычности, гармонической цельности его прежних книг. Горный мир уже оставлен поэтом, а новый, дольний, не совсем еще обжит, не окончательно освоен им лирически. Так, слабый голос «малых сих», и, в частности, квартирной хозяйки из «Чуда со щеглом», услышанный Тарковским (раньше он чаще слышал «стоны» гениев: «Пускай меня простит Винсент Ван Гог за то, что я помочь ему не мог...»), в сущности, остался без ответа, а «повесть», соответственно, без убедительного, соразмерного конца.

И все же читатель, нам кажется, встретит сочувственно эту столь важную для Тарковского книгу. От несколько холодноватого интеллектуализма поэт идет в ней к обнаженной сердечности, от сложности идет к простоте. К той простоте, о которой в свое время говорил Пастернак:

Нельзя не впасть к концу, как в ересь,
В неслыханную простоту.

Видимо, этот путь закономерен для поистине серьезного художника.

Ирина ВИНУКОВА.

Политика и наука

УЧИТЬСЯ ПОЛЕМИКЕ

Об искусстве полемики. М. Политиздат. 1980. 303 стр.

П олемика всегда была и всегда будет в обиходе людей. В наш век драматических классовых столкновений и стремительной научно-технической революции, ставящей перед обществом все новые вопросы, мы слышим звучание полемики день за днем: в области политики, в сфере науки, техники, культуры, искусства — повсюду. Так или иначе она затрагивает каждого из нас. Poleмика — один из важнейших двигателей исторического процесса, она убеждает или переубеждает. И уметь полемизировать необходимо отнюдь не только специалистам.

Прежде всего полемика ведется на фоне идейной борьбы двух существующих в нашу эпоху социальных систем. Борьба эта становится все более острой и всеобъемлющей. Вот почему выход книги «Об искусстве полемики» можно считать вполне своевременным. Она будет нужна многим.

Исходя из постановления ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы», авторы пишут о том, как повысить эффективность и качество полемики против идейных противников социа-

лизма. Прочитав книгу, приходишь к выводу, что это им в значительной степени удалось. Она действительно может помочь журналистам, пропагандистам, лекторам, литераторам приблизиться к овладению искусством полемики. Ибо речь идет именно об искусстве, а не о технике.

В книге ставится целый ряд вопросов: марксистско-ленинские принципы критики буржуазной идеологии и пропаганды, стратегия и тактика полемической борьбы, логика и аргументация в полемике, социально-психологические аспекты полемического искусства. Говорится также о языке и стиле полемики и об особенностях критики буржуазной идеологии и пропаганды в современных условиях. Коснуться каждого из этих вопросов в краткой рецензии, разумеется, невозможно. Но читателей литературно-художественного и общественно-политического журнала, вероятно, особенно заинтересует глава «Язык и стиль полемики».

Это удачная глава написанная смелым пером опытного журналиста, противника трескотни и канцелярского языка. И то и другое для хорошего полемиста абсолютно неприемлемо. Автор главы понимает, что иметь правильные убеждения еще не дает кому-либо права наводить на читателя скуку. Полемика умирает, когда она неинтересна.

Автор опирается на высказывания В. И. Ленина. Основатель Советского государства был целиком и полностью за живой, звучный язык, за боевую, увлекательную, наступательную полемику, хотя ни в коем случае не крикливую, второе не имеет никакого отношения к первому. Ленин требовал от партийных литераторов, чтобы они писали «не канцелярским, а революционным языком», в «рельефной, лаконической, красивой форме», «в форме ясной и захватывающей». Ему, отмечается в книге, «были органически чужды в полемике бесстрастный и скучный объективизм, холодная рассудочность, «профессорский», сухой, деревянный тон ученой статьи. Он говорил, что всякий убежденный в своем мнении человек, думающий, что он дает нечто новое, пишет «с задором». Только у людей, привыкших сидеть между двух стульев, нет никакого задора».

Все изложение у Ленина, подчеркивается далее, проникнуто наступательным порывом. Речь у него разворачивается стремительно, бурно, с нарастающей силой. Это какая-то неудержимая политическая лавина, обрушивающаяся на противника и не оставляющая камня на камне от его взглядов и рассуждений. Здесь отточено, заострено и направлено прямо в цель каждое слово. Обращает на себя внимание блестящее использование коротких,

ударных, однородно построенных фраз — они подчеркивают, усиливают, обостряют иронию и сарказм.

Приводя в пример ленинский памфлет «Пролетарская революция и ренегат Каутский», автор продолжает: памфлет этот «отличается поразительным художественным единством, огромной силой внутреннего сцепления всех средств сатирического осмеяния. И секрет этой цельности — в глубоко эмоциональной окраске, полемической страстности речи, в ее интонации». Это именно так. Политические и теоретические труды Ленина отличаются глубочайшей научной, можно сказать, математической точностью. Но когда он нападал на противника с оружием полемического памфлета, он не пренебрегал эмоциональностью. И то, что об этом говорится в данной книге, прямо касается не только профессионального идеологического работника, но и любого писателя, мастера художественного слова.

Возникает ряд связанных с этим вопросов. Например: допустим ли в важной политической полемике смех? Да, вне всякого сомнения допустим. Сплошь и рядом даже очень нужен: смех, сатира разоблачают противника иной раз беспощаднее, чем сухие теоретические рассуждения. Автор и тут ссылается на Ленина, который, когда требовалось, умел высмеивать противника так, как это сделал бы Щедрин. Смех, конечно, не самоцель. Это средство идейной борьбы, не имеющее ничего общего с развязным зубоскальством. Тут необходимо соблюдать строгое чувство меры, проявлять большой подлинно художественный вкус. В книге цитируется Писарев: «Когда смех, игривость и юмор служат средством, тогда все обстоит благополучно. Когда они делаются целью — тогда начинается умственное распутство. Для художника, для ученого, для публициста, для фельетониста, для кого угодно, для всех существует одно великое и общее правило: и д е я р е ж д е в с е г о».

Да, высмеивать противника, когда он этого заслуживает и представляет собой удобную мишень можно и нужно. Но и здесь нельзя перебарщивать. Смех и ругань не одно и то же в полемике, так же как в быту. Нисходить до брани — а это бывает! — недостойно социалистического полемиста, тогда он ударяет по себе и противник может с пренебрежением отстраниться. Вот почему обращаться с оружием смеха нужно бережно.

Другое требование к полемистам, выдвигаемое в книге, — рельефность языка. Это опять-таки относится к политическим полемистам никак не меньше, чем к мастерам прозы и поэзии. Писать рельефно, говорится в книге, значит писать без лишних слов, предельно лаконично, когда смысловая наполненность, емкость слова максимальны. Длинноты, тягучий

стиль утомляют читателя, не запечатлеваются в его сознании, а значит, теряют действенность. В крупном произведении многословие еще не столь заметно. В публицистике оно на виду и режет глаз. Критикуя проект программы германской социал-демократии за многословие, Энгельс указывал: «...краткая, выразительная фраза, раз понятая, запечатлется в памяти, станет лозунгом, чего никогда не бывает с многословными рассуждениями». В этом случае книга опять советует брать пример с Ленина, учившего управлять словом, писать ясно и точно, сжато и смело, остро и образно, беспощадно очищая речь от словесного сора, зароможающего суть дела.

Писать — или говорить — ясно, сжато смело! Действительно, пока идеологический работник не научится этому закону публицистики (если научится!), ему лучше не полемизировать. При этом смелость никак не менее важна, чем ясность. Одно должно быть слито с другим. Бюрократический слог может погубить идеологически вполне образованного полемиста. Если к тому же он боится самого себя, ему вообще лучше не писать. Все жанры хороши, кроме скучного, говорил еще Вольтер.

Важно учесть, что и многие современные идеологи буржуазии научились искусству языка и стиля. Недооценивать их в этом отношении не приходится. Оружие смеха и сатиры им также знакомо. Они умеют писать и немедленно пользуются слабостями и погрешностями их социалистического противника.

Еще один полезный прием в боевой полемике называется в книге искусством типизации. Речь идет о том, чтобы возвести основные, решающие черты врага, его коренные свойства в тип, обнажив его нутро, и тем самым дискредитировать его в глазах народа. Усвоив его типичные приметы, массы могут безошибочно узнавать врага, в какие бы облачения он ни рядился. В качестве примера такого искусства типизации книга называет ленинскую работу «Памяти графа Гейдена», в которой Ленин нарисовал портрет типичного контрреволюционного помещика.

Маяковский писал:

Понаобещает янбарал
или эсэрик пряткий,
сам очиня до рабочих щей,—
Ленин
фразочки
с него
пооборвет до нитки,
чтоб из книг
сиял
в дворянском нагише.

Важное значение в наши дни имеет и последняя глава книги — «Особенности критики буржуазной идеологии и пропаганды в совре-

менных условиях». Здесь речь идет о спорах с противниками по острым вопросам международной политики. Любая полемика по этим вопросам сводится прежде всего к борьбе двух тенденций: сил, которые стоят за полное исключение войн из жизни человечества, и сил, которые пытаются торпедировать мирное существование. Мы все знаем, что более важного вопроса в мире сегодня нет. «Нельзя забывать, — указывается в рецензируемой книге, — что империализм хотя и не может рассчитывать на победу в мировой войне, но еще может ее развязать». Тем самым роль социалистического идеолога-международника, сталкивающегося с антикоммунистической и антисоветской пропагандой, приобретает поистине первостепенное значение в интересах всего общества. Такой исторической значимости, как теперь, его тематика не имела еще никогда.

В аргументации для него недостатка нет; доводов горы, и они растут день за днем. До какого идеологического бешенства в борьбе против политики мира доходят, например, маоисты, общеизвестно. В книге упоминается, что один из западных специалистов по Китаю, Э. Фридман, говоря о готовности пекинских политиков пойти на уничтожение в мировой войне подавляющего большинства человечества, называет это оптимизмом сумасшедшего. Делец американского военного бизнеса Томас Бэрнс в книге «Тайная война за океанские глубины» в главе «Стратегическое оружие — хранитель мира» заявляет дословно: «Возрастание смертельной опасности создает лучшую возможность для мирного сосуществования двух сверхдержав». Парадокс? Нет — утверждение, что безопаснее всего жить на пороховой бочке, сооруженной военно-промышленным комплексом.

Несомненно, подобные «теории» — а их множество, одна сменяет другую — представляют идеальную мишень для атакующего социалистического полемиста. Если он делает свое дело как надо, люди не могут его не понять и с ним не согласиться. Аргументация для атаки дана самим противником с самого начала, его можно бить его же оружием и надо только не размазывать, а говорить тем ясным, сжатым, неканцелярским языком, о котором шла речь выше.

«Мирное сосуществование государств с различным общественно-политическим строем, — напоминают авторы, — нельзя распространять на сферу идеологии. Было бы напрасным ожидать от коммунистов отказа от их воззрений в качестве какой-то «платы» за мирное сосуществование. Но в то же время неверно отождествлять идеологическую борьбу с психологической войной». Как 5 мая 1978 года заявил Л. И. Брежнев, «мирное, честное соревнование идей и общественной практики — вот наш

принцип». То же относится к полемике о правах человека и к нападкам западной пропаганды на советский строй.

Есть еще одна исключительно интересная тема споров. Полемизируют все те же две школы. На этот раз западной школе исторического пессимизма противостоит социалистическая школа исторического оптимизма.

Куда идет человек? Что произойдет с его обществом? Фатальный прыжок в первобытное варварство или восхождение на небывалую высоту? Это не философская тема, а вопрос конкретных исследований текущей действительности. В книге приводится несколько высказываний видных идеологов современной буржуазии, которые, по существу разуверились во всем, может быть и в самих себе, не видят для человечества в настоящем почти никаких шансов и даже как будто кокетничают такими взглядами.

Ведущий деятель английской консервативной партии лорд Хэйлшем следующим образом характеризует кризис английского общества: «Мы живем во Граде разрушения, в умирающей стране с погибающей цивилизацией. Хотя я и не считаю обстановку безнадежной, но если все будет продолжаться так же, как и раньше, то впереди у нас не останется ничего, кроме катастрофы, которая не знаю как и когда, но сломит нас».

Американский социолог Д. Белл, автор концепции «постиндустриального общества» (якобы идущего на смену капитализму), пишет о климактерической критической перемене в американской жизни, означающей, что ее экономика уже пережила расцвет и наступил необратимый процесс старения.

Авторы рецензируемой книги могли бы добавить к этому высказывания известного американского деятеля, бывшего посла США в Москве Дж. Кеннана, давшего не так давно следующую характеристику положения в своей стране:

«У нас большая и серьезная проблема положения ряда наших крупных городов, особенно самого большого — Нью-Йорка... У нас ужасная проблема преступлений с примени-

ем насилия во многих районах страны... У нас проблема инфляции... У нас проблема безработицы... У нас хаотичная и безобразно недостаточная система общественного транспорта... У нас проблема падения качества образования... Коррупция печати и телевидения, отданных на милость рекламодателям... Постыдное явление повсеместного распространения, подобно лесному пожару, порнографии... Сохраняющаяся проблема ухудшения окружающей среды... Если мы хотим предстать перед другими нациями как нечто большее, чем запугивающая военная держава, нам следует задуматься о том, какой же облик являет внешнему миру наше общество... Мы не можем быть источником надежды и вдохновения для других на фоне упадка, безволия и ухудшения жизни у нас дома».

Упадок, безволие, ухудшение жизни... Да, служить источником надежды современный капитализм не может. Вот почему некоторые из его идеологов склоняются к тому, чтобы отождествлять историческое умирание капитализма с умиранием человечества. И вот почему на Западе кое у кого все еще имеет хождение лозунг: «Лучше не существовать, чем сосуществовать».

Совершенно ясно, что социалистические полемисты могут только выиграть, если умело, со знанием дела противопоставят таким откровениям исторического пессимизма знамя исторического оптимизма. У них есть на что опереться. Подавляющее большинство здравомыслящих людей, рассчитывающих на жизнь и прогресс, а не на катастрофы, рано или поздно пойдут за ними.

Хотелось бы еще раз подчеркнуть, что эта книга представляет интерес не только для журналистов и пропагандистов, но и для писателей. Конечно, в каждом случае требуется широкий политический кругозор и серьезное знакомство с фактами. «Искусство полемики,— говорится в заключительных строках книги,— трудное искусство, но им может и должен овладеть каждый пропагандист и лектор, каждый работник идеологического фронта».

Эрнст ГЕНРИ.

НАУКА, ОТКРЫТАЯ МОЛОДЕЖИ

Библиотечка Детской энциклопедии «Ученые — школьнику».
Вып. 1—20. М. «Педагогика». 1974—1980.

Характеристика современной науки была бы неполной без учета одного ее качества: наука превратилась в очень важный компонент культуры. И не только культуры для избранных, но и всеобщей, народной. Об этом свидетельствуют, в частности,

огромные тиражи научно-популярных журналов — сотни тысяч, миллионы экземпляров. Среди читателей их преобладает молодежь.

Для молодых людей, вступающих в самостоятельную жизнь, научные знания особенно привлекательны и полезны. В первую очередь

Цена 70 коп.

70636